

Арина Ларина

ФИКТИВНЫЙ
ЖЕНИШОК

Романтическая
комедия

Арина Ларина

ФИКТИВНЫЙ ЖЕНИШОК

«ЭКСМО»

2013

Ларина А.

Фиктивный женишок / А. Ларина — «Эксмо», 2013

Внимание! Даше Никитиной нужен жених! А кому из девушек он не нужен? – спросите вы. Но Даше жених нужен очень срочно, она даже готова не выходить за него замуж. Главное, чтобы он появился на юбилее бабушки и убедил всех родственников, что Даша любима и счастлива. Кто только не подбирал кандидата в ухажеры! Но жемчужиной коллекции фиктивных женишков стал Сергей – особь, меньше всего подходящая на эту роль. Лженивеста нашла его сама...

© Ларина А., 2013

© Эксмо, 2013

Арина Ларина

ФИКТИВНЫЙ ЖЕНИШОК

Лето стремительно улепетывало из города, словно заяц, которого вспугнул охотник. Мок-
рые деревья, свинцовые лужи, отражающие мрачное серое небо, и промозглый ветер. Просто
изумительно! Чем еще можно испортить август? Только вот такой «чудесной» погодой. Больше
нечем.

...Даша тоскливо смотрела в окно и морщилась как от зубной боли.

– Никитина, ты неправильно себя настраиваешь, – назидательно сообщила Вера, воссе-
давшая на диване и с аппетитом поглощавшая печенюшки. – Добавь на морду лица позитива.
И жизнь начнет налаживаться. Мы сами формируем ауру вокруг себя. Тебя сейчас окружает
шлейф негатива – густой и муторный. Я даже на расстоянии это чувствую.

– В нашем возрасте надо правильно питаться, – в тон ей парировала Даша. – Вот выраст-
ет у тебя живот от мучного, вообще никаких шансов на личную жизнь не останется. И даже
позитив на морде лица тебя, Березкина, не спасет!

– Ха, – немедленно отреагировала подруга. – Живот вырастает не от мучного. Надо было
анатомию в школе изучать, бестолочь. И вообще, мне лишний вес не грозит. Почему-то. И это
очень печально.

Несмотря на солидный для одинокой барышни возраст, аж тридцать два года, Вера Берез-
кина диеты не жаловала и пополнить не боялась. Более того, она все еще надеялась прибавить
пару килограммов. Правда, ей хотелось, чтобы прибавились они в каких-нибудь интересных
местах. Интересных для мужчин. Но увы. Нигде ничего не росло и не прибавлялось. И Берез-
кина, невзирая на титанические усилия, так и оставалась тощей бледной девицей в стиле уни-
секс. «На любителя», – утешала она себя. Но любители в ее жизни появлялись крайне редко.

– Верка, что делать-то? – вздохнула Даша, вырисовывая на стекле кривую рожицу. – Это
так страшно – не верить самому близкому человеку.

– Ой, Дарья, не зли меня. Самый близкий человек у тебя – это я! Я вот тебе никогда не
изменю. Веришь?

– Это ты меня замуж зовешь? – мрачно уточнила Даша.

– Дошутишься. С нашим-то счастьем запросто останемся двумя старыми девами и будем
вязать друг дружке носки и шарфики.

– У меня есть муж, – напомнила Даша.

– Ха!

Вера закинула в рот очередное печенье и начала его тщательно пережевывать, демон-
стративно закрыв тему. Ее короткие белобрысы кудряшки воинственно топорщились. Она
вообще становилась похожей на ежа, едва лишь речь заходила о Дашином молодом человеке.

– Почему «ха»? – сварливо пристала к ней подруга. – Ничего не «ха»! Да, он граждан-
ский! Но мы поженимся!

Березкина ухмыльнулась с набитым ртом и в деланом восторге округлила глаза.

– Не подавись, – процедила Даша и отвернулась. – Я тебе тогда вообще ничего расска-
зывать не буду.

Закашлявшись, Березкина залпом допила чай и возмущенно завопила:

– Нет! Ну, интересное кино! Я к ней мчусь через полгорода...

– Ты живешь через дорогу, – напомнила Даша.

– Утешаю ее, жду подробностей! А тут нате вам, она рассказывать не будет! А зачем я
тогда приехала? Смотреть, как ты стекла разрисовываешь? Ну-ка быстро колись, что случи-
лось? Ты нашла в кармане Марка чужие трусы? Прочитала эсэмэску от какой-нибудь «сладкой

мышки»? У него расцарапана спина? От него воняло незнакомыми духами? Он назвал тебя чужим именем?

– Березкина, заткнись, а. – Даша умоляюще посмотрела на подругу. – Мне твой аутотренинг не помогает. Да ничего такого криминального не случилось...

– А жаль. Хоть бы ты этого павлина поймала с поличным и выперла наконец!

– Я в курсе, что ты его терпеть не можешь, – отмахнулась Дарья. – Но он же на тебе жениться не собирается!

– Ой, держите меня! А на тебе, можно подумать, собирается! Дашка, запомни: такие красавчики непригодны для жизни. Они требуют поклонения и жертв, как языческое божество. Они нуждаются в постоянном обслуживании, как кондиционер в Африке. Они ждут любви и комплиментов, как барышня на выданье! Они не умеют давать – только брать! Это дети, которых надо холить, лелеять и баловать! Мы им нужны для этого!

– Почему «мы»? У тебя тоже есть такой красавец? – скептически ухмыльнулась Даша.

– Да ни в коем случае! Мне повезло. А тебе – нет! Ты в него вляпалась, как мышь в мышеловку.

– «Вляпалась», – одурело пробормотала Дарья. – Умеешь ты, Березкина, слова подбирать. Между прочим, он еще ничего плохого не сделал.

– Плохого? А хорошего? Что-нибудь хорошее он сделал, а? И, конечно, ты меня выдержала своим истерическим звонком для того, чтобы рассказать, какой Марк хороший! Я так сразу и поняла. Печенье закончилось. Еще принеси!

Переход от обличительной речи к прозе жизни был настолько резким, что Даша не сразу уловила, что от нее требуется.

– Никитина, твоя заторможенная реакция свидетельствует о том, что ты меня не слушаешь!

– Ты Марка вечно ругаешь. Причем довольно однообразно. Я наизусть знаю все, что ты тут будешь гундеть. Но я его люблю. Ясно тебе, дурища?

– Ясно, – покладисто кивнула Вера. – Мне неясно, зачем я приехала.

– Ты приехала сожрать мое печенье, – мрачно предположила подруга. – Сейчас еще принесу. Не стесняйся. Можешь по карманам рассовать.

– И рассую. Чего нам стесняться? Мы не гордые, не обидчивые. Давай, колись, что случилось.

– Он какой-то не такой...

– Голубой! – восторженно заорала Березкина.

– Тьфу на тебя! Верка, хватит придуливаться. Он... ну... холодный какой-то. В смысле – стал холодным.

– Если холодный, значит, помер, – авторитетно резюмировала подруга и радостно захихикала.

– Березкина!

– Все-все. Я просто пытаюсь привнести в твою трагедию позитива. Это психологически оправданный прием. Нас так учили на курсах. Я хочу опробовать метод на практике.

– Тогда сходи на чьи-нибудь похороны и спой там частушки. Потом расскажешь, чем закончилось, когда я тебе в больницу апельсины принесу, – доброжелательно посоветовала Даша.

– Злая ты, Никитина. Ладно, давай рассуждать логически, без эмоций. Только факты. Что не так?

– Нет у меня фактов, – пригорюнилась Дарья. – Одни эмоции.

– Так это, может, на погоду. Или вообще – климакс начинается. Завязывай с эмоциями. Вспоминай, что конкретно тебя задело.

– Он не спит со мной.

– Давно?

– Прилично. Неделю уже, – тут Даша сурово зыркнула на подавившуюся весельем подружку и с нажимом повторила: – Для нас это – давно!

– Дашунчик, ты меня глазами не испепеляй. Вот у меня Вениамин был, так он вообще считал, что секс – это праздник для женщины. А праздников много быть не должно. Они у него все были календарными: Новый год, Восьмое марта, День конституции и 23 февраля! Я ему даже специально календарик распечатала, там все дни праздничные: День работников рыбной промышленности, День радио, День зеленого зайца. Так нет! Венечка говорил, что уж праздник так праздник! Это должен быть полноценный выходной, отмеченный на календаре красным цветом. А ты говоришь – неделя.

Что еще вменить Марку в вину, Даша просто не знала.

Женская интуиция – великая вещь. Очень часто барышни чувствуют нечто такое, что невозможно передать словами. Это витает в воздухе, наматывая нервы на бобины мужского равнодушия и натягивая струны души до предела.

Даша Никитина не была красавицей. Мама так и говорила ей всегда: «Не красавица ты у меня, зато умная». В юности отчаянно хочется красоты. Чтобы кавалеры падали штабелями, чтобы подружки стонали от зависти и чтобы тот, единственный, самый-самый, гарантированно обратил на тебя внимание. Ум в юности – это понятие эфемерное. Его может хватать для того, чтобы учиться на хорошие отметки, сдавать экзамены и не прогуливать занятия, но в житейском плане этого недостаточно. Поэтому умные девочки часто совершают крупные ошибки вовсе не в учебном процессе, а в жизни.

Жизнь – не контрольная, в ней мало что можно исправить или переписать.

Никаких фатальных ошибок Даша нагородить не успела. Но и понять, что иногда обаяние важнее красоты, она тоже не сподобилась. Поэтому за юностью пришла зрелая молодость, а мадемуазель Никитина так и жила с мыслью, что внешность ее оставляет желать лучшего, а мужчины в первую очередь западают на оболочку. Пока он там выковыряет из дамы сердца что-то такое, похожее на изюминку... Если вообще выковыряет. Может, и вовсе пройдет мимо, даже не обернувшись. Да, может, в ней полкило изюма! Но он весь внутри, а самцы искать лениятся. Им бы что попроще, понагляднее, где весь изюм снаружи.

Хотя про мужчин она, возможно, была права. На ум реагируют работодатели, для них это актуально. А вот мужики умных дам недолюбливают. Не все, но большинство.

Нельзя сказать, что Дарья вообще не интересовала противоположный пол. Вялые романчики у нее были. Но именно вялые, так как кавалеры, по-видимому, тоже маялись от собственного несовершенства, поэтому не замахивались на модели и актрис, а брали то, что ближе лежало. Даша, работавшая в конструкторском бюро инженером, как раз идеально вписывалась в эту категорию. Беда была в том, что она так и продолжала мечтать о принце. А те, что крутились рядом, незатейливо ухаживая, принцами не были.

И тут появился ОН.

Именно так, большими буквами.

Марк.

Синеглазый брюнет модельной внешности. Принц – сказочный, необыкновенный.

Сначала Даше было страшно. Она все ждала подвоха, шарахалась от его ухаживаний, как лошадь от пьяного егеря. Тем более что и ухаживал Марк как в кино. Он был прекрасен во всем, словно образ идеального мужчины, тщательно продуманный сценаристом. Нормальные женщины, проще говоря – обычные инженеры, не обремененные излишней самоуверенностью, таких индивидуумов пугаются.

Но когда «индивидуумы» напористо завоевывают, очаровывают и опутывают комплиментами, то почему бы не сдаться на милость победителя? В конце концов, а вдруг? Ведь в обыденной жизни есть место чуду. И Золушка однажды может стать королевой.

То, что Марк приехал из какого-то поселка Утюжки, ее не смущало. Для влюбленной женщины какие-то там Утюжки – это так мило и трогательно. Уже потом, при размене квартиры и дележке имущества дамы могут попрекать своих бывших супругов какими-нибудь Нижними Колтунами, Верхними Пупырями или Малыми Утюжками. А в период ухаживания это даже романтично.

Но у Даши хватило ума ни Березкиной, ни маме об этих самых Утюжках не говорить. Ведь ясно же, что они обе начнут петь хором: лимитчик, квартира, беги. Бежать Даша не собиралась. В конце концов, в крупном мегаполисе едва ли не больше половины жителей – приезжие. Только со временем они об этом забывают и начинают вновь прибывающих гнать на историческую родину криками «Понаехали!».

Дашин квартирный вопрос еще два года назад решил дед, подарив на тридцатилетие симпатичную двухкомнатную квартиру. У нее не было необходимости непременно искать мужа с жилплощадью, как у многих других. Ведь известно, что жить нужно отдельно от родителей, иначе родственники будут «причинять добро» до тех пор, пока не разведут молодоженов. Поэтому Дарья могла себе позволить просто влюбиться без оглядки на прозу жизни.

Что она и сделала с трепетом и восторгом.

И все было чудесно, восхитительно, сказочно! Даже вредная Березкина ворчала, глядя на счастливую подругу, мол, ладно, мужик дрянский, конечно, но зато будет что вспомнить на старости лет.

Влюбленные слепы, глухи и мало вменяемы. Они нежатся в своем чувстве, дурея от восторга, и думают, что так будет всегда. Мадемуазель Никитина была девушкой трезвой, поэтому, конечно, от восторга дурела, но с внутренней опаской. Словно победитель лотереи, который вроде и рад миллиону, но все ждет, когда ж его наконец-то ограбят, чтобы можно было спать спокойно.

И вот сейчас случилось то, чего она так боялась. Даше все время казалось, что Марк вот-вот прозреет и поймет, что она не модель, не красавица, не Золушка, в конце концов. Любимый, словно Вий, которому подняли веки, внезапно увидит прыщи, складки, первые морщинки и прочие фатально влияющие на светлое чувство факты. А он все не прозревал. Закончился май, шло лето, а она все жила в сказке, ставшей явью.

И лишь неделю назад витавшая в облаках и изредка опасливо поглядывавшая на землю Даша внезапно ощутила, что что-то случилось. Вроде все было как обычно, но тревога и неуверенность нарастали. Она стала присматриваться к любимому, в ужасе осознавая, что между ними растет стена. Нет, не каменная, а хрупкая, стеклянная, но все же стена.

Он не так говорил, не так смотрел – не так, как раньше. Женщины обычно подмечают мелочи. Собственно, только женщины могут раздуть мелочь до размеров крупного дирижабля, прекрасно понимая и даже с содроганием ожидая – шас ка-а-ак лопнет! А он и лопается. И всех накрывает, вокруг сплошные жертвы, зато выговорила и убедила – таки да, не мелочь. Часто умение вовремя промолчать может спасти семью. А иногда привычка молчать может угробить жизнь. Вот и поди разберись, как лучше.

Даша сначала решила молчать. Но молчать сложно. Тревога разбухает, вскипает внутри, норовя вырваться струей обжигающего пара и уничтожить все в радиусе ста метров. Поэтому надо, как говорят специалисты, – подтравливать. То есть делиться хоть с кем-нибудь, ослабляя давление тяжелых мыслей на мозг. Объект, с которым вы планируете делиться, нужно тоже выбирать тщательно. Кто-то поддержит, мол, да, кошмар, и только усугубит тревогу. Кто-то, наоборот, утешит, дескать, ай, ерунда какая, вот у моей знакомой такой ужас был, далее сле-

дуют подробности. Вы отвлекаетесь на чужие ужасы, свои постепенно забываются и перестают казаться реальными. Вы расслабляетесь. Но и тут дилемма. Возможно, лучше было бы не расслабляться, а рвать, не дожидаясь, пока вашу ситуацию тоже кому-то начнут описывать в качестве примера неприятностей крайней степени.

Наверное, Березкина была не лучшим вариантом, но ближе у Даши никого не имелось. С Веркой они были дружны с ясельного возраста и за долгую жизнь как-то даже сроднились.

Рассказывать о своих опасениях маме – только лишний раз нервировать родительницу: она спала и видела, как ее перезревшая дочь выйдет замуж хоть за кого-нибудь и родит, наконец, долгожданных внуков. Вариант про «кого-нибудь» мама озвучивала регулярно, но напрасно. Даша прекрасно понимала, что маменьку не устроит практически никто из тех, с кем дочь когда-либо встречалась. Татьяне Антоновне нужен был такой зять, чтобы вся родня удавилась от зависти. А таковых в природе не имелось, поскольку вышеназванная родня все равно нашла бы в избраннике дефекты и лишний раз убедилась, что у них все лучше.

– Что именно не так? – потеряла Дашу подруга, которой надоело ждать внятных пояснений. – Он перестал дарить каждый день цветы?

– Перестал, – встрепелась Дарья. Наконец-то выявился хоть один четкий факт, вызывающий тревогу. – Точно! Раньше часто дарил, а тут уже неделю ничего!

– Мои знакомые тетki тебя за такое заявление просто побили бы, – мечтательно потянулась Березкина. – Я, конечно, твоего красавчика на дух не переношу, но ты зажралась, Дашенция. Вот правильно говорят: человек такая скотина – ко всему быстро привыкает.

– Сама скотина, – обиделась Даша. – Объясняю же, не в этом дело! У меня просто общее ощущение нехорошее. Женская интуиция, понимаешь?

– Я про женскую интуицию больше тебя понимаю. У меня она сработала еще тогда, когда ты своего Аполлона мне первый раз показала. Не жилец он в семейной жизни.

– Ты мне надоела, – разозлилась Даша. – Думаешь, сожрала печенье, можно уже гадости говорить?

– Ну, во-первых, я не знала, что сожрала уже все. Я надеялась, что у тебя еще заныкано где-нибудь. А во-вторых, я гадости начала говорить еще в мае, когда вы познакомились. Он у тебя как сезонный рабочий: огурцы собрал с полей и деру. Кстати, надеюсь, деньги ты ему не давала?

– Нет, – торопливо потрясла головой Дарья. – Зачем ему деньги? Не давала я никаких денег. С какой стати я бы стала мужчине...

– Все, достаточно, – Березкина уничтожающе смерила ее взглядом, – не таракти. Когда человек так многословен, он совершенно точно врет! Сколько дала-то?

– Не давала, – уперлась Даша. – Отстань.

– Ну-ну. Ясенько. А ты деньги случайно ему не неделю назад «не давала»? А то у тебя красной строкой пробегает этот незамысловатый срок. Цветов не дарит неделю, не спит неделю. Compliments тоже, небось, неделю назад на уши вешать перестал?

– Знаешь что, Березкина!..

– Березкина все знает! – рявкнула Вера. – Ладно, дарю тебе практические советы. Пользуйся! Первое – проверь карманы на предмет записок. Второе – проверяй телефон регулярно, особенно обрати внимание на звонки от всяких слесарей, мастеров по ремонту холодильников, от Сереги какого-нибудь из автосервиса. Умные мужики умеют шифроваться. Третье – обнюхай одежду.

– Носки тоже? – мрачно уточнила план действий Даша. Она уже остро пожалела, что попросила совета у шибко умной в житейском плане подруги.

– Носки нюхать не надо, надо посмотреть, нет ли на них чужих волос. Женских. И не надо тут ерничать. Слушай тетю Веру. Тетю Веру столько раз надували, что она знает все и может даже открыть центр платных услуг для обманутых жен. Я этих гавриков на чистую воду с полплева вывожу!

– Молодец, садись, пять, – хмыкнула Дарья. – Спасибо за инструктаж. Знаешь, благодаря тебе я поняла, чего точно делать не надо. И вообще, меньше знаешь – крепче спишь.

– Да-да. Ты, главное, подушку рогами не порви. А так да – спи спокойно, дорогой товарищ!

Пикировку прервал требовательный звонок в дверь.

– Марк! – всполошилась Даша, ринувшись к зеркалу. Отражение, как обычно, слегка огорчило и разочаровало. Но ничего за пределами неприличного зеркала не продемонстрировало: аккуратно собранные в замысловатый узел пышные волосы, большие серые глаза, высокие скулы – нормально. Все нормально.

– Ах, какое счастье, – проворчала Березкина, – наш принц прискакал на кривой кобыле. Зато мы не подрались. Я сваливаю, но напоминаю: проверь и убедись. Я потом готова тебя пожалеть.

– Непременно приеду к тебе порыдать, – выталкивая подругу в прихожую, пообещала Дарья.

Марк, войдя в квартиру, презрительно скривил сочные, яркие губы:

– Какие люди! Верочка, снова ты? Я так понимаю, что к чаю ничего не осталось?

– Да, – ухмыльнулась Березкина, – опять прилетала фея и все сожрала. Зато ты не испортишь свою офигительную фигуру. О тебе забочусь, нарцисс ты наш!

– Благодарствую. Как жаль, что ты уже уходишь.

– Могу и задержаться, – великодушно предложила Вера, бодро влезая в ботинки и одновременно натягивая куртку.

– Да ни в коем случае. Прощай, прожорливая фея!

– И тебе не хворать, – съехидничала Березкина, помахала рукой Даше и выскользнула из прихожей, наполненной отрицательными флюидами, как улей пчелами.

Едва за Верой закрылась дверь, на Дашу обрушилась гнетущая тишина. Нет, не тишина – молчание. Отчужденное, холодное и колкое. Она судорожно придумывала тему для разговора, пока это отвратительное молчание не превратилось в пропасть, но мысли пугливо жались по углам, словно остатки варенья в банке, и никак не желали отскребаться от стенок. Говорить было не о чем.

– Как на работе? – брякнула Даша банальный, привычный вопрос.

– Ты каждый день спрашиваешь одно и то же, – равнодушно бросил Марк. – А я отвечаю «Все в порядке». Считай, что я уже ответил на твой вопрос.

– Есть будешь? – едва не плача, продолжила Дарья, понимая, что и это она спрашивает каждый день.

Любимый молча прошел мимо, обдав ее запахом огуречной туалетной воды.

И тут Дашу осенило.

– Марк! Нам надо куда-нибудь съездить!

– За продуктами?

– Да нет же! Сменить обстановку, посмотреть друг на друга другими глазами. Нельзя, чтобы совместная жизнь приедалась. Именно из-за этого люди и теряют интерес друг к другу. Нужно приключение!

Тут он смерил Дашу таким взглядом, что она как-то резко затихла и съежилась. Наверное, про приключение было не очень хорошей идеей, но в целом мысль была верной. В отношениях

должна быть острота, новизна. Когда любимый человек становится для тебя открытой, сто раз прочитанной книгой, приходит скука. А в людской психологии изначально заложено стремление к познанию нового. Именно этим оправдывают себя самцы, любящие гульнуть налево. А что? Захотелось новенького. Освежился, пережил небольшую эмоциональную встряску – и обратно, в теплое дупло к старой белке, к орехам, припасам и налаженному быту. Самые смелые экстремалы в дупло не возвращаются, о чем впоследствии сильно жалеют, но никому в этом не признаются.

Отчего-то так повелось, что выбирают мужчины. А женщины либо радуются, что их назначили «любимой женой», либо расстраиваются, если пальма первенства ушла к сопернице.

Даша сейчас очень явственно ощущала, как пресловутая пальма первенства уплывает из рук.

– Марк, – она решительно двинулась в глубь квартиры, – нам надо поговорить.

– Поговори, – кивнул он и, включив компьютер, уставился в монитор.

Ну вот. Получалось, что это она должна говорить! А о чем, если даже непонятно, что именно случилось.

Кстати...

– Что у тебя случилось? – аккуратно бросила пробный шар Даша.

– У меня – ничего, – с нажимом именно на слово «меня» сообщил любимый.

Если прислушаться к интонациям и проанализировать их, получалось, что у него ничего не случилось, а вот у Даши как раз случилось. Интересное кино!

– Хватит, – обозлилась она. – Поговори со мной. Я же чувствую, что что-то не так.

Марк воодушевленно барабанил по клавиатуре, словно не было рядом никакой настырной девицы с ее дурацкими вопросами.

Даша растерянно смотрела на его спину, борясь с желанием разреветься. Она бы и заплакала, если бы была уверена, что это хоть что-то изменит – например, Марк бросится ее утешать. Но что-то ей подсказывало, что он и на слезы никак не отреагирует. И тогда точно все.

Она на цыпочках вышла из комнаты и затихла в коридоре, разглядывая пальто Марка. Он был невероятным пижоном и ходил исключительно в пальто с белым кашне. Это было так стильно, так... «по-киношному». Да-да, именно по-киношному. Березкина часто зудела, что такие, как Марк, годятся только для слащавых мелодрам, чтобы собирать в прайм-тайм у экранов целевую аудиторию из одиноких или не одиноких, но не удовлетворенных жизнью теток. Даша, вероятно, как раз была его целевой аудиторией.

Неуверенно подойдя к вешалке, она опасливо принялась. Опасливо, потому что, а вдруг он заметит, а вдруг она что-нибудь унюхает...

Черт бы побрал эту Верку с ее идиотскими советами. Даша решительно прильнула к пальто и тщательно обнюхала его. Непонятно. То ли женские духи, то ли мужские. Она выудила из кармана сотовый, но он тоже ситуацию не прояснил. Как и раньше, там ничего не было. Пусто. Ни одной эсэмэски. А ведь Березкина говорила, что у любого нормального человека должны быть хоть какие-то сообщения – хотя бы реклама.

На душе было мутно. Непонятно откуда взявшееся чувство вины давило, словно гнет на закващенную капусту.

– Тошно мне что-то, – пробормотала Даша, без сил присев на пуфик в коридоре.

Вроде еще ничего не произошло. Вроде их гражданский брак еще балансирует, словно канатоходец без страховки. Но предчувствие грозы все нарастало и нарастало.

Все бы ничего, если бы...

Неделю назад Марк пришел взбудораженный и невероятно веселый.

– У меня идея! – заорал он с порога, глядя на Дарью сумасшедше счастливыми глазами. – Я могу получить второе высшее! И даже нашел работу. Там такой оклад! Такие перспективы! Радость моя, но я должен с тобой посоветоваться.

И то, что ее называли «радостью», и то, что он хотел «посоветоваться», совершенно выбило Дашу из колеи, и она, как кот, опившийся валерьянки, тоже начала блаженно улыбаться и радоваться невнятным перспективам.

Суть сводилась к тому, что Марк собрался поступать в коммерческий вуз, для чего требовалось срочно оплатить первый семестр. Деньги у них были. Даша еще весной предложила копить на поездку к теплым морям, чтобы промозглой осенью рвануть в летний рай. Собственно, и копили они, откладывая из ее зарплаты. Марк перебивался случайными заработками, не имея возможности найти приличную работу. Идти на «неприличную» он категорически не желал. Экономическое образование позволяло ему мечтать о месте финансового директора в крупной компании. То, что получено оно было в каком-то сомнительном институте на далекой периферии, его не смущало. Зато смущало работодателей. Поэтому временно Марк подрабатывал в каких-то невнятных местах, где его нещадно обманывали. И тут такой шанс! Конечно, Даша согласилась. Разве можно сравнивать обучение и перспективу с каким-то там отпуском у моря?

Но именно после того, как из коробочки деньги перекечевали в престижный вуз, любимый резко изменился.

Думать об этом категорически не хотелось, но предательские сомнения так и лезли в сознание, словно прожорливые улитки на капустную грядку.

Татьяна Антоновна терпеливо дожидалась, пока оголодавший супруг умнет третью котлету и будет готов к серьезному разговору. За долгие годы семейной жизни она усвоила: во время еды – не лезь. Попытка примотаться к дражайшему мужу в процессе приема пищи приравнивалась к покорению опоры линии электропередачи в дождь – шандарахнет так, что одни тапочки останутся.

Она и не лезла.

Своего супруга мадам Никитина нежно любила. Ей нравилось смотреть, как он ест, как спит, как бреется. Они были вместе с первого курса института и, удивительное дело, не надоели друг другу. Во всяком случае, в себе Татьяна Антоновна была уверена. Да и в муже тоже. Она вовсе не была тихой домохозяйкой, хотя супруг, трудившийся на приличной должности, по умолчанию считался главой семьи, кормильцем и поильцем. Тиран и деспот на работе, дома он превращался почти в подкаблучника, который преданно и покорно следует указаниям жены. Но только не во время еды. Супруга умела соблюдать правильный баланс в отношениях и мирилась с мелкими прихотями мужа.

В общем, все в семье было бы отлично, если бы не непутевая дочка. Именно о ней Татьяна Антоновна и хотела поговорить. Шутка ли – Дарье уже тридцать три, а ни мужа, ни ребенка! Горе луковое.

Михаил Федорович аппетитно подобрал корочкой остатки соуса, аккуратно вытер руки салфеткой и, пододвинув к себе любимую поллитровую кружку с чаем, вопросительно уставился на жену:

– Давай, что у нас опять?

– Дашка.

– А, ясно. Опять будешь просить подыскать жениха?

– Миша, не жениха, а зятя! Разницу чувствуешь?

– Не очень. А она есть?

– Колоссальная. Жених еще может сбежать, а зять уже проходит по документам. Зять – это свершившийся факт. И лучше, если не она нас поставит перед фактом, а мы ее.

– Ты хочешь выдать ее замуж в бессознательном состоянии, чтобы она с этим «фактом» проснулась утром? – развеселился Михаил Федорович. – Мне кажется, Дашка вполне в состоянии найти такого жениха, от которого мы не придем в ужас и не поседеем. Она девка умная.

– Она шибко умная, – вздохнула жена. – От этого все ее беды. Вспомни, сколько кавалеров наша девица забраковала. Она их видит насквозь, как рентген. Все же замуж надо выходить в ранней молодости и по глупости. Чем старше женщина, тем сложнее ей выбрать мужа. Не потому, что она выходит в тираж, а потому, что она слишком много понимает про сильный пол.

– Чего это Дашка в тираж выходит? – обиделся за дочку Михаил Федорович.

– Еще не выходит, но такими темпами она допрыгается до одинокой старости. А я, между прочим, внуков хочу.

– Я тоже, зайныка. Ты, как всегда, права. Но у меня нет холостых кавалеров на примете. Есть разведенные старые грибы и академики в начальной стадии маразма. Из молодых только охрана и мелкие сошки, про которых я ничего не знаю.

– А ты узнай, – навалилась на стол супруга. – В отдел кадров сходи.

– Схожу, – покорно кивнул Михаил Федорович, одной рукой поглаживая жену по плечу, а другой набулькивая в хрустальную стопку коньяк. Втихаря налить не получилась. Разомлевшая Татьяна Антоновна резко очнулась, сфокусировавшись на янтарной жидкости.

– Миша! Пей чай, а не это!

– Стопочку. А то я что-то разнервничался. Не представляю, что в отделе кадров говорить? Неудобно как-то. Все ж начальство. Приду я к ним, а тетки потом сплетничать будут.

– Не будут. Побоятся. Миша, только одну стопку, понял? И чтоб завтра занялся пристроением Дашки!

Радостно кивнув, супруг начал цедить коньяк. Ни в какой отдел кадров он идти не собирався. Вот еще, глупость какая бабская. Но как муж с большим семейным стажем он прекрасно понимал, что с женщиной всегда надо соглашаться. Согласился – тишина. Начал спорить – вынос мозга на час, и все равно в итоге придется согласиться. А дочка со своей личной жизнью сама разберется. Тем более что предыдущие две попытки спарить ее с сотрудниками его ведомства закончились ничем.

Татьяна Антоновна хотела было дать еще пару «цэу» супругу, но пронзительная трель телефона отвлекла ее от лекции на тему моральных и материальных характеристик будущего зятя.

– Танюша, привет! – зажурчал в трубке вкрадчивый голосок Елены Петровны.

– Ленуся, привет, дорогая! – ахнула Татьяна Антоновна, изобразив крайнюю степень радости. Вот ведь счастье-то – двоюродная сестрица мужа звонит!

Со стороны можно было подумать, что дамы чрезвычайно рады общению, но даже две кобры в одной тесной банке относятся друг к другу позитивнее.

Их скрытое противостояние началось много лет назад, когда Татьяна Антоновна была юной и наивной барышней, пылко влюбившейся в вихрастого первокурсника Мишу. Миша, к несчастью или к счастью, был отпрыском высокопоставленного чиновника со всеми вытекающими из этого привилегиями. Правда, Миша с отцом не очень ладил, поскольку был парнем веселым, шутливым и норовил испортить папеньке карьеру тягой к диссидентству и разговорами о демократии. Будущий свекр Танечки строил коммунизм, что по тем временам было единственно верным курсом, а непосредственное участие в строительстве давало возможность толпиться у самой кормушки. Именно поэтому Танечка, впервые попавшая в Мишины хоромы, одурело бродила по комнатам и не знала, восхищаться ей или пугаться. В том, что семейство любимого сочтет их свадьбу мезальянсом, можно было не сомневаться. Так отчасти и вышло. За некоторым исключением. Федор Леонтьевич с супругой неожиданно отнеслись к Татьяне благосклонно.

– Хоть остепенится, ешкин хрен! – непонятно отреагировал папенька и ободряюще шлепнул будущую невестку по спине.

Кто такой «ешкин хрен» и почему остепенится, Таня узнать не успела. Именно в тот момент, когда родители жениха не погнали ее поганой метлой, а признали за свою, появилась «тетя Маша» с дочкой.

Мария Леонтьевна была родной сестрицей отца жениха и, соответственно, Мишиной теткой. Костистая, сухопарая, с пронзительным взглядом и зычным голосом, она тут же поставила Татьяне диагноз:

– Так и знала, что нашего дурака окрутит какая-нибудь лимитчица! Что, барышня, квартира вам приглянулась? Или думаете, что Федька вас на блатную должность пристроит? А вот кукиш!

И упомянутый кукиш она немедленно предъявила оторопевшей Тане. Мелкая девчонка с двумя тощими косицами, болтавшаяся у подола тетки, радостно улыбнулась беззубым ртом и тоже показала госте фигу – крошечную и от того совершенно нелепую. Так Таня впервые познакомилась с Еленой Петровной и ее склочной мамашей.

Мария Леонтьевна, она же «тетя Маша», была дамой с активной жизненной позицией, которую считала своим долгом до всех донести. По каждому вопросу у нее имелось свое мнение, отличное от других, и она это мнение вколачивала в сознание окружающих с упорством дятла. Как правило, выводы она делала, основываясь не на логике и фактах, а на чувстве противоречия, поэтому во всем в первую очередь видела негатив и не успокаивалась до тех пор, пока этот негатив не начинали видеть и все остальные. Члены семьи к неуживчивому характеру Марии Леонтьевны давно привыкли, а вот на малознакомых людей она производила неизгладимое впечатление – примерно как дикий медведь, вышедший из чащи навстречу группе цивилизованных японских туристов. Проще говоря – народ разбегался в разные стороны, искренне надеясь никогда в жизни больше не пересекаться с языкастой дамой.

Замуж она выскочила рано, по большой любви после весьма короткого знакомства. Избранником ее стал изумительной красоты сельский парубок Петя, прибывший в крупный мегаполис учиться и мигом одуревший от колоссальной разницы между городом и деревней. Мария оказалась первой городской барышней, которую он встретил на своем жизненном пути. Вернее, это она его встретила. Петя очень вовремя шел мимо подъезда в тот самый момент, когда Мария Леонтьевна, в то время еще молодая и не настолько склочная, вытаскивала из такси свежеприобретенный дефицитный телевизор. Политесу Петя был не обучен, помощь предлагать вовсе не собирался, поэтому хрупкая барышня привлекла его к процессу зычным воплем: «Эй, вы, ну-ка помогите!» Потом они пили чай, гуляли по паркам и ходили на демонстрацию. Двух месяцев знакомства Маше хватило, чтобы влюбиться и женить на себе наивного сельского богатыря. Петя был терпелив и снисходителен к ее придури, словно буйвол, облепленный мухами. Он лишь изредка осаживал молодую жену, по любому поводу вопившую белугой. Но и его терпению однажды пришел конец. Молча собрав вещи, супруг отбыл на историческую родину, пообещав платить алименты. Так Мария Леонтьевна осталась одна, что еще больше усугубило ее и без того несхарный характер.

Едва только она прознала о том, что племянник нашел какую-то девицу и собрался жениться, как тут же примчалась к брату и начала по пунктам доносить весь ужас подобной перспективы.

– Учись на моих ошибках! – бушевала она, стуча сухим кулачком по кухонному столу. – Один лимитчик в нашей семье уже был! И чем это закончилось?

Брат орать умел не хуже нее, поэтому к консенсусу они тогда не пришли. Федор Леонтьевич ехидно напомнил, что «лимитчик», роняя тапки, сбежал обратно в свою деревню и ни

на что не претендовал. И вреда от него никакого не было, кроме дочки, да и то – племянницу он заносит скорее в актив, нежели в пассив. Более того, о будущей невестке вообще ничего не известно. Никто не говорил, что она непременно приехала с периферии – Миша вообще на эту тему не распространялся. Достаточно было того, что девочка училась с ним в одном институте, а не в кулинарном техникуме. Хотя и это его бы не огорчило, поскольку раздолбая Мишу давно пора было привести в чувство шоковой терапией. А семейная жизнь вполне для этого подходила.

Тогда тетя Маша решила предпринять лобовую атаку. Выяснив, на какой день назначено знакомство родителей с «лимитчицей», она приготовилась к боевым действиям. В час «икс» дама прибыла в квартиру брата и застучала участников сватовства с поличным.

Танечка, и так до обморока переволновавшаяся, не смогла дать отпор. Она лишь пугливо жалась в угол и не помышляла об ответном выступлении. Ей даже в голову не пришло возразить непонятной тетке, накинувшей на нее с какими-то дикими обвинениями, и сказать, что Мишу она любит, ничего от влиятельной родни не ждет, да и жилплощадь у нее в городе имеется. Правда, Танечка проживала вместе с родителями, но уж лимитчицей точно не была. Да даже если бы и была, что в этом такого?

К ее удивлению, будущий свекр страшно развеселился и полез орущую тетку щекотать. В оцепенении взирая на странную потасовку, бедная девушка даже усомнилась, а точно ли эти люди подходят на роль будущих родственников – не в каждом дурдоме такое увидишь. И самое интересное, что, в конце концов, все они в полном составе, вместе с тетей Машей и ее дочерью, сели пить чай. Светская беседа за столом была скрашена едкими замечаниями вредной родственницы, не оставлявшей надежды вычеркнуть Танечку из Мишиной биографии. Но, несмотря на все упорство, сделать ей этого не удалось. Хотя скрытая вражда без причины и повода так и тянулась за ними по сей день, словно хвост за голодным питоном.

Елена Петровна переняла от матери острую неприязнь к Татьяне Антоновне, а та, со временем перестав считать себя бедной родственницей и став полноправным членом семьи, отвечала ей взаимностью. Пока в многолетнем соперничестве условно побеждала Елена, так как ее дочь Лизавета уже вышла замуж за бизнесмена. Немного уравнивал положение младший брат Лизаветы Юрий. Юрий был изумительным шалопаем, любителем девушек, пива и компьютерных игр. Но этот факт Татьяну Антоновну успокаивал мало.

Для полного счастья ей было просто необходимо выдать замуж Дарью, так как абсолютно на всех семейных сборищах, организуемых дедом, кузина мужа вместе со своей змеей-мамашей воодушевленно муссировали тему Дашиного одиночества, строя версии и предположения. В последний раз они доболтались до того, что все это неспроста и, вероятно, Дашка вообще лесбиянка. Причем Елена тут же начала округлять и без того круглые, навывкате глаза, еще выше поднимать нарисованные ниточкой бровки и жарко отстаивать интересы секс-меньшинств, заступаясь за «бедную девочку». Ей очень повезло, что «бедная девочка» на том мероприятии не присутствовала. Даша родственников откровенно не любила, не стеснялась и за словом в карман не лезла. Это у них было семейное.

Обычно Елена звонила, чтобы похвастаться: поездкой в экзотическую страну, новым колечком за дикие деньги, машиной, своим мужем, мужем дочери, самой дочерью, хорошими соседями, удачно найденным дантистом и даже давлением.

Она запросто могла позвонить на ночь глядя и гордо заявить:

– Представляешь, померила давление, а оно у меня, как у космонавта! А у тебя?

Единственное, чем не могла похвастать Татьяна Антоновна, – это давлением и дочерью. Во всем остальном она была вполне конкурентоспособна.

Но на сей раз мериться им не пришлось.

– Тань, ты слыхала новость? – выпалила Елена, закончив натужно радоваться и изображать приветливость.

Судя по тону, новость была из разряда противных. Когда новости, с точки зрения Елены Петровны, были хорошими, она долго жеманничала и рассказывала их неторопливо, со вкусом, при этом делая вид, что не особо-то и придает значение произошедшему.

– Не слыхала, – Татьяна Антоновна была заинтригована.

– Дед женится!

– М-м-м... – оторопело промычала собеседница, не зная, как на это реагировать.

Дедом они все называли Федора Леонтьевича, которому через пару месяцев должно было стукнуть ни много ни мало 80 лет. Торжество планировалось провести в узком семейном кругу в дедовом «поместье». Именинник еще летом при очередном семейном сборе предупредил:

– Чтоб все были, засранцы! Не то наследства лишу! – И, как обычно, радостно заржал.

Старейшина семейства был человеком неординарным, с возрастом в маразм не впал, а сохранил чувство юмора, бодрость духа, подтянутую фигуру и деловую хватку. Жил он в огромном доме, отстроенном еще во времена Горбачева в элитном поселке, где кругом были сплошь приличные люди. Благодаря своей должности помимо загородной недвижимости Федор Леонтьевич имел полкило всяческих акций, некоторое количество квартир в городе и даже за рубежом, громадный счет в банке и прочие «мелочи», позволявшие дергать многочисленную родню за ниточки и то и дело угрожать им лишением наследства. Тема эта его искренне веселила – он потешался над близкими в свое удовольствие. Других радостей у него не осталось. Во всяком случае, так думала Татьяна Антоновна до сего момента. И тут – нате вам. Оказывается, были у старикана скрытые резервы.

– Не мычи, – обозлилась Елена. – Реагируй. Ты понимаешь, чем нам это грозит?

– По миру пойдем, – решила повредничать Татьяна Антоновна. Обе семьи были довольно состоятельными, так что дедово наследство если и было лакомым куском, то только номинально – ведь никакие деньги лишними не бывают. А по сути и без него все жили припеваючи.

– Хватит ерничать! Его окрутила какая-то молодая мочалка. Еще угробит старика! Я ж не о наследстве пекусь, сама понимаешь!

– Еще как понимаю, – не унималась Татьяна Антоновна, понимающе ухмыляясь. – Конечно, кому оно надо, наследство это!

– Давай, рассказывай, что ты про нее знаешь, – потребовала Елена. – Дед с твоим Мишкой часто общается, наверняка рассказал.

– Может, и рассказал, только мой мне ничего такого не говорил. Вряд ли дед стал бы с ним про свою личную жизнь трепаться. Не тот он человек.

– Врешь, – убежденно констатировала родственница. – Задумали что-то, да?

Поперхнувшись от такой наглости, Татьяна Антоновна выпалила:

– Ленка, что ты несешь? Что мы могли задумать?

– Да свою какую-нибудь подослали к старику, он уши и развесил. Я ж помню, это ты летом говорила, что домработницу сменить надо! Вот он, небось, и сменил!

– Так та, которая была, тырила по-черному, – оскорбилась Татьяна Антоновна. – Федор Леонтьевич сам говорил, что ее надо гнать. Может, и погнал. Я об этом ничего не знаю.

– Ладно, – резко сменила тему собеседница, – вы на день рождения-то собираетесь? Дашка твоя, небось, опять одна придет, без мужика? Смотри, Таня, упустишь дочку. Неладно с ней что-то. Вон, даже пень наш старый, и тот себе кого-то завел! Если у Дарьи не мужик, а девица, так пусть не привозит, конечно. Леонтьич у нас человек старой закалки, не поймет. А я не осуждаю, если что. Нас можете не стесняться. А то врете каждый раз, аж жалко вас, непутевых...

– И не мечтай, – процедила Татьяна Антоновна. – Есть у Даши жених, с ним и приедет.

– Откуда бы? – забеспокоилась Елена. – Летом же она одна приезжала.

– Даша девушка серьезная, они давно встречались, но отношения были не те, чтобы к деду вести, – азартно и вдохновенно врала Татьяна Антоновна, косясь на одурело вытаращившего глаза супруга.

– Ой, скажите пожалуйста! – разочарованно протянула оппонентка. Как говорится, в несчастье ближнего есть что-то бодрящее. А радость ближнего – как хлебные крошки на простыне: нервируют и не дают спать. – Интересно будет посмотреть на вашего будущего зятя. Надеюсь, вы не придумаете ему какой-нибудь больничный, лишь бы нам не показывать.

– Не придумаем, – успокоила Татьяна Антоновна. – А как ваш Юрик? Жениться не собирается?

– Это девушкам за тридцать актуально суетиться по поводу устройства личной жизни. Юношам Юрочкиного возраста думать о женитьбе глупо. Он еще не нагулялся. Ему ж не рожать, нам торопиться некуда.

– Да-да, ему-то не рожать. Смотрите, как бы за него его подружки не поторопились. А то сидишь ты дома, например, чаек попиваешь, а тут тебе – бац, звонок в дверь, а на пороге барышня с дитем в подоле.

– До встречи у деда, – прошипела Елена. – Привет будущему зятю.

Когда из трубки азбукой Морзе застучали короткие гудки, Татьяна Антоновна растерянно оглянулась на мужа.

– Две гюрзы в одном террариуме, – прокомментировал Михаил Федорович, сдержанно хихикнув. – А по какому поводу папаню моего полоскали? Наследство опять делите, да?

– Папаня твой, похоже, на старости лет свихнулся и жениться собрался, – просветила его жена.

– Орел, – воодушевился Михаил Федорович. – Третий раз на те же грабли! Старичок-бодрячок, уважаю. Надо будет это учесть при составлении завещания. А то батя еще нас переживет. Надо прописать у нотариуса его интересы.

– Юморист, – хмыкнула Татьяна Антоновна. – Бутылку поставь. Ты что думаешь, я не вижу, что ты уже третий раз наливаешь? Хватит, а то я вот помру, а ты, как папаня, не сможешь. Будешь как старый гриб в шляпе набок, и никто тебя бодрячком не обзовет. Давай, колись, кто у нас жена.

– Да я не знаю! – искренне возмутился супруг, все же успев долить в стопку немного коньяка и виновато собрав кустистые брови в подобие домика.

– Не знает он, – пробормотала Татьяна Антоновна, решительно выдернув из рук супруга коньяк и опрокинув в себя вонючую, горькую жидкость. – Ф-ф-ф-у-у-у! Как это можно пить?

– Ну, Таня, – Михаил Федорович огорченно и безнадежно шлепнул себя по бокам, – тебе вредно!

– Интересно получается. Тебе полезно, потому что для сосудов, а мне вредно, потому что тебе выпить не дала. Я тебе больше скажу! Это уже вторая бутылка за месяц. Да-да, я их считаю!

– Ой, не начинай. Ты мне лучше скажи, что ты там такое плела про Дашкиного жениха? Мы ж только что обсуждали, что у нее никого нет!

– А вот ты завтра пойдешь в отдел кадров, и к вечеру у нее жених будет. Найди молодого, перспективного и поставь перед ним задачу.

– Шантажировать, что ли? – забеспокоился муж. Одно дело просто пообещать и никуда не пойти, и совсем другое, когда на этом завязана давняя вражда двух дам. – Запугивать увольнением и волочь к нам на аркане?

– Мне плевать, что и как ты сделаешь, но к дедову юбилею у Дашки должно быть хоть что-то приличное.

– Что-то приличное, – пугливым эхом повторил Михаил Федорович. – Я могу купить ей приличное пальто или авто, а вот жениха покупать – это запредельное что-то.

– Не надо покупать, заинтересуй его. Что тебя всему учить надо?! Ты не способен на элементарные действия! Как хочешь, я завтра приглашаю Дашку под любым предлогом, а ты чтоб вечером вернулся с мужиком!

– Мы их напоим, уложим в гостевой, а утром скажем, что Дашка беременна и он как честный человек обязан на ней жениться? – предположил уязвленный обвинениями Михаил Федорович.

– Остричь пытаешься? – нахмурилась супруга. – Или надеешься соскочить?

– Надеюсь, – честно признался муж. – Танюша, ну сама подумай, ну в какое положение я себя поставлю? Перед людьми неудобно!

– А ты проверни все так, чтобы тебе было удобно! Хуже будет, если неудобно станет мне, когда мы не привезем к деду этого чертового жениха! Согласен?

Михаил Федорович послушно кивнул.

В дискуссии, как обычно, победила жена, а муж остался при своем мнении.

Столовая в обеденный перерыв бурлила, как внешние воды у стока в люк. Народищу было – не протолкнуться. Даша протиснулась с подносом к пустому, но грязному столу, в очередной раз подумав, что можно было бы не выпендриваться, брать деньги у родителей и питаться в кафе, не строя из себя демократку. Но брать деньги у родителей она категорически не хотела, так как мама сразу начала бы извечный гундеж про то, что у каждой женщины за тридцать должен быть муж, который ее содержит. И в Дашином возрасте неприлично быть одинокой и самостоятельной. Самостоятельность украшает только детей ясельного возраста, когда они начинают сами завязывать шнурки и вытирать себе попу. А еще она украшает мужчин. Но Дарья не ясельный карапуз и не мужик, поэтому должна быть слабой и зависимой, хотя бы номинально. Мужчины любят слабых женщин, а феминистки, типа Даши, их отпугивают, как репеллент комаров.

Феминисткой мама стала считать Дарью с тех пор, как та прогнала из квартиры последнего кавалера. Было это страшно давно и совершенно правильно, так как Станислав, работавший в банке и сильно много о себе воображавший, сразу вознамерился расставить точки над «i» и указать барышне ее место. А именно: Даша должна была стать домохозяйкой, бросить работу и заняться обслуживанием мужа. Нахальный Стасик так и заявил: предназначение женщины – служение мужчине. Если б он не начал впадать в такие крайности, Дарья, возможно, еще бы и потерпела, но становиться жрицей при сомнительном храме – нет уж, увольте! Поэтому Стасику вежливо, но твердо указали на дверь. Самое смешное, что в период ухода никаких программных требований, предвещавших столь плачевное развитие событий, банкир не выдвигал.

Все же правильно говорят умные люди: рыцарь, завоевавший принцессу, сразу после победы сбрасывает латы и превращается в мужлана, почесывающего пузо, расшвыривающего носки и понукающего любимую, как колхозную лошадь. Но стоит только даме сердца тоже расслабиться, развязать корсет, вынуть пуш-ап из декольте и смыть макияж, как мужлан либо начинает предъявлять претензии, либо торопливо втискивается в латы, садится на коня и скачет охмурять новых принцесс.

Мужик уверен, что он непременно должен быть главным, даже если он мало зарабатывает, плюгав, не особо умен и не мачо в постели. Первичные половые признаки позволяют ему, вопреки логике, считать себя центром вселенной, вокруг которой должен крутиться мир женщины. А уж если он хорош собой, богат или, например, знаменит, то тут и вовсе туши свет. Дама – лишь шелковая трава под копытами его коня, и не более того.

Так или иначе, Дашу такой расклад не устраивал. Она все еще верила в настоящих рыцарей, с учетом современного антуража. Хотя, конечно, тридцать три года – срок серьезный. Это ее напрягало ровно до того момента, пока не появился Марк.

Философский настрой прервал звонок мобильного.

– Дашка, ты только сядь! – заорала трубка голосом Березкиной.

– Сижу, – флегматично изрекла Дарья, ковыряя вилкой салат сомнительной свежести. Она задумчиво принялась: вроде ничем противным предстоящий обед не пах, но внешний вид у него был весьма плачевный. «Столичный» она любила, но дома он выглядел иначе.

– Ты только не расстраивайся! – давась словами, затарахтела Верка. – Я ж тебе друг? Ты мне доверяешь? Ты ж понимаешь, что мы самые близкие люди?

– Что у тебя случилось-то? – Дарья отодвинула салат, решив не рисковать. Ну его, не хватало еще отравиться. А вдруг они вечером с Марком мириться будут? Хотя... Они ж не ссорились. Или ссорились? А как вообще можно назвать ту странную натянутость в отношениях, которая звенела между ними тонкой струной, готовой вот-вот лопнуть? И не просто лопнуть, а еще и дать по лбу, согласно законам физики.

– Не у меня, – огорошила ее Березкина, – к сожалению, не у меня!

– А почему «к сожалению»? – только и смогла выдохнуть Даша, судорожно перебирая в мозгу варианты: родители, пожар, потоп?

– Неправильно формулируешь вопросы, – тянула Верка, за что тут же и получила.

– Березкина! – прошипела Даша в трубку. – Если бы я была рядом, я б тебя прибила! Ты мне сейчас столько нервных клеток одним ударом изничтожила, что на полжизни хватило бы! И, между прочим, они продолжают отмирать! А нервные клетки, чтоб ты знала, не восстанавливаются! А ну быстро говори, что у меня случилось!

– Я не могу сразу, будет непонятно!

– Слушай, ты, бабка-сказочница! Давай суть!

– У Марка машина и баба! – выпалила Березкина.

– Чего ты несешь? Нет у него машины! И откуда ты можешь знать про его бабу? И вообще, ты пьяная, что ли?

– Говорила же: если суть, то будет непонятно, – обиженно забубнила Вера. – Давай я с начала начну.

– Давай, – с трудом выговорила Даша. Она вдруг ощутила, как сердце поднялось куда-то к горлу, а потом, разбившись на кучу маленьких сердечек, запульсировало в руках, ногах и животе. Она не хотела ничего знать, потому что уже все понимала, все чувствовала, словно находилась у палаты смертельно больного, которого никак не могла отпустить.

– Я по порядку, не перебивай. Мне тоже тяжело. Я все думала, как лучше: сказать или нет? Это ж тоже тяжело принимать такое решение. С одной стороны – не мое дело. С другой – как не мое? А с третьей – раз я об этом узнала, это же не просто так. Значит, кто-то свыше не хочет, чтобы это оставалось тайной. Ведь я твоя подруга, и они там рассчитывали, что я до тебя это донесу. А я...

– Верка, ну пожалуйста...

– Все-все. Короче. У меня сегодня клиент, страхование квартиры, возмещение ущерба, гражданская ответственность...

– Березкина!

– Да это все к делу относится! Не перебивай. Я и так с трудом формулирую. В общем, я приехала тут по адресу, все сделала, дядька такой приятный, сдачу не взял, – она осеклась, услышав угрожающее сопение Дарьи, и быстро перешла к основной части. – А внизу, у дома, ресторан. Дорогой, зараза. По вывеске видно. Я еще постояла, думаю, зайти – не зайти. Все-все, перехожу к делу, ты ж должна знать все детали, иначе опять будет непонятно!

Теперь Даша понимала, что не зря некоторые носят с собой корвалол или нитроглицерин. Сейчас бы ей к чаю вместо булочки очень пригодилось что-нибудь от сердца. Дурнота подступала, сжимая виски, стискивая горло и заставляя сердце бешено колотиться во всех местах сразу.

– Так вот, стою я такая, размышляю... вдруг чувствую – что-то знакомое. А район-то вообще чужой, я там первый раз в жизни. Гляжу – Марк! Выходит из этого дорогущего ресторана с девицей. Не, с теткой! Такой, знаешь, лет под сорок, но молодящаяся, выглядит на все сто!

– На сто лет? – едва не падая в обморок, уточнила Даша.

– К сожалению, нет. На сто процентов, на сто баллов. На сто тысяч долларов! В общем, ухоженная, при деньгах явно. И они идут такие, воркуют, после чего он сажает ее в машину. Такой, знаешь, роскошный джип, разрисованный тиграми.

– Да нет у Марка никакого джипа!

– погоди ты! Это и не его. Он ее на водительское место, такой, посадил галантно, дверь захлопнул. И она поехала. А он пошел, сел в какую-то иномарку и поехал следом! Причем сел тоже на водительское место!

– Ну, может, у него подработка какая-то. Верка, нет у него машины.

– Может, и подработка, – с сочувствием согласилась Березкина. – Только он эту бабу целовал еще. В щечку, правда, но как-то так, знаешь... Я аж вспотела. Сцена была почти эротическая.

– Это тебе от длительного отсутствия мужика эротика везде мерещится, – еле выговорила Даша. На нее вдруг навалилась такая усталость и апатия, словно она вот сию минуту заболела гриппом. И не было сил даже поднять кружку с чаем, хотя в горле пересохло и отвратительно шкрябало. К глазам подступили слезы. Она могла придумать тысячу объяснений и миллион оправданий и цепляться за них, как тонущий жучок за соломинку. Но в душе Дарья уже все поняла. И почти приняла. Но крошечная, мизерная надежда еще оставалась. А вдруг...

– Я даже знаю, о чем ты сейчас думаешь, – заявила Березкина. – Ты сейчас будешь меня убеждать, что я все не так поняла. А потом припрешься домой и все выложишь своему красавчику. Так вот, послушай совета от умной, битой жизнью женщины. Не вываливай все сразу. Выдавай информацию постепенно и лови его на противоречиях. Тогда он запутается, и ему не удастся тебя обмануть. Козыри нужно прятать в рукаве. Если ты, например, скажешь, что это видела я, Марк тут же обрадуется и выдаст кучу вариантов: я наврала от зависти, у меня близорукость, косоглазие, глюки, похмелье или вообще – белая горячка. Помани мое слово: твой альфонс клюнул на богатенькую дамочку и явно смазывает лыжи.

– Я вообще-то тоже не казанская сирота, – обалдело пробормотала Даша. Никого уличать она не хотела. Она вообще ничего не хотела. Ей было просто плохо. Совсем-совсем, как может быть плохо женщине, только что узнавшей, что у нее растут рога. Рога никого не украшают, а прекрасный пол тем более.

– Да откуда он знает, что ты у нас богатая невеста!

– Я сама говорила. Ну, просто к слову пришлось.

– Бестолочь! Сколько раз тебе повторять, не надо так делать! Нельзя при твоих родственниках и перспективах дедова наследства, дай ему Бог здоровья, конечно, но вечную жизнь еще не изобрели... Так вот, нельзя в твоей ситуации говорить правду.

– Слушай, я не вдова Ротшильда и не дочь Онассиса, ничего особенного меня не ждет. Но уж бедной меня назвать сложно! Зачем ему тетка старше?

– Так ты ж гордая! Он тебя раскусил уже! Тебе много не надо, ты у папани ничего не возьмешь, у деда помощи не попросишь. Молодец, что хоть от квартиры не отказалась.

– Сама знаешь, с моей мамой ужиться сложно, – начала оправдываться Даша.

– Вот твой Марк и смекнул, что с тобой каши не сварить. А с этой, которая на джипе, можно столько всего сварить, что обжираться до конца жизни будешь.

– Вер, заткнись, а... Мне плохо!

– Хочешь, могу приехать? Ну... не к тебе на работу, а домой, к разборкам. Я буду в группе поддержки!

– Березкина, не смей! Мы сами! – взвилась Даша, напугав сослуживцев, начавших недовольно коситься в ее сторону.

– Сами с усами, – недовольно пробормотала Вера. – Я ж тебя предупреждала. Слушай, Дашенция, я тут на случку собираюсь, у знакомой день рождения, она обещала хороших мальчиков для меня незамужней подогнать. Может, и ты со мной?

– Вер, ты нормальная? Мне бы сейчас с тем, что есть, разобраться.

– Да нет у тебя ничего уже, – вздохнула подруга. – Со стороны это всегда понятнее. Ладно, когда осознаешь, звони, я тебе личную жизнь организую.

– Себе организуй.

– А «спасибо» скажешь? Я все ж тебе глаза открыла. Или считаешь, что зря? Кстати, мне и самой что-то кажется, что зря. Но и кипятить это в себе сил не было. Ладно, спасибо можешь не говорить. Побежала я. Когда разберетесь, звоните.

– Всенепременно, – из последних сил выдавила Даша.

Когда нужно, чтобы время шло быстрее, оно тянется и тянется, словно бесконечный товарняк, тяжело и грузно погромыхая вагонами. А если жизненно необходимо, чтобы оно хоть чуть-чуть притормозило свой бег, то тут уж стрелки начинают наматывать круги, словно бешеные.

Дарье хотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался. Она растерянно пыталась собрать мысли, рассыпавшиеся разрозненными пазлами, в общую картину, но ничего не получилось. Надо было срочно придумать, как говорить, что говорить, да и говорить ли? Нет, молчать она точно уже не сможет – промолчать в такой ситуации означало окончательно превратиться в неврастеничку, аккумулирующую в фантазиях самые худшие предположения. Лучше выяснить все сразу, отрубить, если нужно... Но как рубить, если любишь?

– Зуб болит? – заботливо поинтересовалась коллега, по-своему объяснив ее стоны, больше похожие на тоскливое мычание.

– Да, – неожиданно обрадовалась Даша. – Очень. Уйду я сегодня раньше, ладно? Прикроешь?

– Легко. Удачи, бедняжка...

Любая женщина знает, когда выясняешь отношения с мужчиной, нужно быть во всеоружии. А это значит, макияж, прическа, платье – все должно быть идеальным, чтобы он понял, что теряет, или чтобы осознал, что может потерять, если не возьмется за ум.

В салоны Даша не ходила, отдаваться в руки косметолога боялась, поэтому ограничилась укладкой в парикмахерской. Она могла бы, конечно, сделать пару процедур, чтобы освежить лицо, но печальный опыт Березкиной ее останавливал.

Как-то Вера решила, что ей пора заняться первыми морщинами. Даша у нее никаких особых морщин не заметила, однако подруга была неумолима.

– Пора шлифовать фейс, а то скоро стану как шарпей.

И началось ее хождение по мукам.

Рекламные буклеты обещали всякие нереальные чудеса и нагло обманывали, демонстрируя результаты фотешопа, выдаваемые за итог курса определенных процедур. Наивная Вера купилась на глянцевые картинки, взяла кредит и потащилась в дорогущий салон. Денег на

полный курс, конечно, не было, поэтому Березкина легкомысленно решила попробовать все по одному разу.

– Пока деньги не закончатся – буду экспериментировать, – отважно заявила она.

Даша к кредитам и долгам относилась строго отрицательно. А уж кредит на такую глупость и вовсе считала невероятной блажью. Особенно ее пугала идея Березкиной нарастить себе бюст.

– Ладно, морду тебе пошлепают, вряд ли это тебя кардинально изуродует! Но делать себе пластмассовые сиськи...

– Силиконовые, – возражала Вера. – И вообще, тебе легко рассуждать, у тебя они есть! А у меня нет!

– Как нет? Есть у тебя! Первый номер – это тоже грудь!

– Это не грудь! Это прыщи! А прыщей у меня и так достаточно от постоянного воздержания. У меня их вообще столько, что грудь среди них теряется!

Но до пластики дело не дошло. Как выяснилось, почти после всех процедур лицо временно утрачивало «товарный вид», и несчастная Березкина несколько дней пряталась дома, теряя клиентов и навлекая на свою бедную голову гнев начальника. Последней каплей стала серия уколов какого-то витамина. Колоть его надо было в физиономию, что, как ни странно, бдительную Веру не испугало. Зато сильно испугало Дарью, когда подруга по дороге домой заехала к ней на чай.

– У тебя что, ветрянка? – воскликнула Даша, увидев пятнистую физиономию Березкиной. – Или скарлатина какая-нибудь?

– Не-а, – легкомысленно отмахнулась Вера, – это я к косметологу ходила, красоту навела.

– У твоего косметолога очень странные представления о красоте, – пробормотала Даша. – Я б даже сказала – извращенные.

– Зато вокруг меня в транспорте даже в час пик образовался вакуум. Я спокойно села, и никто ко мне не приматывался. Даже кондукторша развернулась, не дойдя! Сплошные плюсы.

– Ну, мужики-то, небось, тоже не подходили? Ты ж вроде для них стараешься, – напомнила ей основную цель мероприятия Даша.

– Это да. Но потом они ко мне слетятся как мухи!

– Надеюсь, как к варенью, а не как к чему-то другому. Березкина, ты сейчас очень страшна, я тебе даже врать не буду!

– Сама знаю. Скоро все пройдет.

Прошло вышеупомянутое «все» очень нескоро, не оставив никаких следов красоты.

– Морда стала глаже, – убежденно отстаивала свою позицию Верка. – Хотя на картинку не похоже. Надули, подлецы!

Вопрос с коррекцией груди отпал сам собой.

– Если такая ерунда, как уколы, повлекла за собой столько проблем, то страшно представить, что будет, если мне сделают грудь. Я тут читала, что имплант может вообще уехать под мышку в самый неожиданный момент. Уж лучше мои прыщи, они хоть стабильны и по организму не мигрируют. А то уползут на живот, красотища будет! Нет, риск – благородное дело, но не в моем случае. Пусть мой принц полюбит меня в естественном обличье.

Но на естественное обличье принцы клевали плохо, поэтому Вера продолжала прозябать в одиночестве. И единственной пользой от ее походов в салоны можно было считать их общий с Дашей негативный опыт. По крайней мере, в решающий момент Даша не отважилась на кардинальные перемены.

– Прическу освежила, и достаточно, – уговаривала она себя по дороге домой. – Ведь полюбил же он меня такой, какая я есть. Ни к чему сейчас что-то менять, это будет бросаться в глаза, а я не желаю выглядеть жалко.

Свет в окнах квартиры не горел – Марка дома не было. Это отчего-то воодушевило Дарью до крайности. Она даже перестала трястись, как овечий хвост, и пошла значительно бодрее.

Заготовить речь у нее так и не вышло, но зато был составлен примерный план выступления.

– Главное, не орать и не унижаться, – как мантру повторяла Дарья.

Переодеваться в домашнее она не стала. Как-то неправильно было бы начинать такой серьезный разговор в наряде домашней клуши. Тем более что тогда она испортила бы укладку.

Ждать пришлось очень долго. Даша успела на нервной почве выхлебать всю воду из чайника и разорвать пачку салфеток. Рвала она их медленно, методично, на узкие полоски. На столе образовалась внушительная гора этих полосок, когда раздался звонок в дверь.

При том, что Дарья весь вечер ждала именно этого звонка, она заполошно заметалась по кухне, гремя посудой, роняя все, до чего доставала, и в результате смела полоски в кастрюлю с супом, которую прикрыла крышкой и водрузила на плиту.

В голове было девственно пусто. Полный вакуум, ни одной мысли. Даже первичный план беседы сдуло, словно муху ураганом.

– Вот блин! – нервно хохотнула девушка и пошла открывать.

В желудке ощущалась тягостная пустота и время от времени раздавалось тоскливое урчание.

– Надо было поесть хоть чуть-чуть, – запоздало подумала Даша, щелкая замками.

– Привет. – Марк рассеянно кивнул и начал стаскивать пальто. – Ты чего при параде?

– Раздеться не успела, пришла недавно, – нахально соврала Даша. – Поговорить надо.

– Говори, – привычно предложил он.

– В кухню пошли.

– Пошли.

Таким ледяным тоном и рублеными фразами обычно начинаются скандалы. «Вербальное программирование негатива», как любила говорить Дашина мама.

А что его программировать, когда он и так есть – хоть хами, хоть соловьем заливайся.

– Откуда у тебя машина? – рявкнула Дарья, в последний момент решив не сдавать Березкину и следовать ее инструктажу – цедить факты по мере развития беседы. Решение было спонтанным, вопрос вообще выскочил экспромтом, поэтому диалог мог раскручиваться, как праща в руках начинающего богатыря – непредсказуемо и опасно.

Не орать тоже не получилось.

Он еще мог удивиться и начать отрицать.

Он мог не согласиться или придумать оправдание.

Но Марк не стал.

Не захотел.

– Купил, – спокойно ответил он, внимательно глядя на Дашу. Так она когда-то в детстве разглядывала головастика в пруду – со сдержанным и немного брезгливым интересом.

– Но ведь у нас... у тебя не было денег! – выпалила Дарья. – И почему ты мне не сказал? И зачем тебе машина?

Нет, все же женщины не умеют сдерживать эмоции в таких ситуациях. Нет никаких сил говорить взвешенно, а хочется немедленно все выяснить, засыпав оппонента горохом вопросов. И выглядит это как какой-то жалкий допрос, когда пыжишься доказать что-то, а не можешь, когда до дрожи хочешь знать правду, а тебе ее не говорят.

– Машина у мужчины должна быть. Я себя без автомобиля чувствовал неполноценным, но тебе же на это было плевать.

Нет, он не злился, он это рассказывал так, словно объяснял ребенку, почему ночью темно или отчего у кита из головы бьет фонтан.

И почему-то получалось, что это Даша в чем-то виновата.

– Ты не говорил!

– А если бы сказал? Это что-то бы изменило? Или ты бы выпросила у своего папаши деньги и купила бы ее мне, унизив тем самым меня окончательно?

– Я бы не стала...

– Да я знаю. Поэтому и купил сам.

Вот. Замечательно. Он купил сам, обошелся без Даши. Молодец.

Она одурело пыталась нащупать центр оси координат этого странного диалога. Картина рисовалась какая-то непонятная – кто виноват, в чем виноват, почему виноват? И вообще, что именно плохо? И плохо ли...

Она абсолютно запуталась и единственное, что смогла, это довольно желчно выдать очередную претензию:

– А деньги у тебя откуда?

– Я так и знал, что этим кончится, – удовлетворенно и как-то даже сыто кивнул Марк. – Все упрется в деньги, в обвинения.

– Я тебя не обвиняю! – задохнулась от возмущения Дарья. – Я спрашиваю!

– Так каким тоном и как ты формулируешь вопрос! Ты уже одним этим ставишь меня в неловкое положение.

«Здрасьте вам, – Даша поморгала и потерла виски. – Кругом я виновата. А с чего мы начали-то? Я почему виновата?...»

– Ты зря начала этот разговор. Ты все испортила. Давай закончим, чтобы не усугублять.

– ...мою вину, – закончила его фразу Даша. – Чудесно. Остановимся на том, что я на пустом месте устроила какие-то разборки, и заткнем меня, так и не дав ответа. Нет уж. Раз я все равно все испортила, давай разберемся по пунктам. На какие деньги ты купил машину?

– Это важно?

– Не надо тут словоблудием заниматься. У меня тоже язык хорошо подвешен. Просто ответь.

– Дашка, я тебя не узнаю. Откуда в тебе это бабство, эта тяга к скандалу?

– Значит, мои деньги пошли не на оплату института, а на машину, – подытожила Даша. – Я только не понимаю, как их хватило?

– Это был первый взнос. Я взял кредит.

– Какой кредит? Ты же не работаешь! Не зарабатываешь!

– Ты всегда меня недооценивала.

– Да я тебя сильно переоценила! Детский сад. Купить машину вместо института! А чем ты заплатишь за учебу? Стоп...

До нее медленно начало доходить:

– Так не было никакого института, никакого второго образования, да? Ты просто... Господи, какая я дура! Зачем я это сделала? Какая глупость!

– Ты сама себя слышишь? – Марк с неприязненной жалостью смерил взглядом трясущуюся Дашу. – Какой ужас – я купил машину. Преступление века! Тебе денег жалко? Так я все равно собирался тебе их вернуть! Из-за железки на колесиках устраивать такой кипеш. М-да, не ожидал я от тебя.

Опешившая Даша, приоткрыв рот, переваривала сказанное. Переваривалось, надо признаться, плохо. Примерно как соленые огурцы со свежим молоком. От переизбытка умственной деятельности у нее начала болеть голова. Пазл не складывался.

Марк тем временем по-хозяйски подошел к плите и снял крышку с кастрюли, с аппетитом приносясь к содержимому. Если учесть, что кастрюля была наполнена рваными салфетками, то его пантомима выглядела более чем нелогично. Становилось ясно, что и его мысли витают где-то не здесь.

– Да при чем тут машина? – взревела Даша, наконец сообразив, что это лишь первый пункт повестки дня. – А тетка, с которой ты сегодня был в ресторане? Да еще целовался!

– Ты следила за мной? – искренне развеселился Марк. – Зачем? Тебе что, плохо жилось просто так, без вынюхивания, выпрашивания? Ты сейчас окончательно все разрушила!

– Чем? Тем, что увидела тебя с любовницей? То есть это я виновата, что увидела, а не ты, что завел ее! Ха! Восхитительно! Вот она, мужская логика! Я виновата, что ты не зарабатываешь на машину! Я виновата, что ты заводишь бабу!

– Лена – не баба! – спокойно парировал Марк. – Она берет меня на работу начальником коммерческого отдела. У нее своя фирма. Некоторые женщины умеют работать и зарабатывать.

Ну, разумеется, это был камень в Дашин огород. Она зарабатывать не умела. Своей фирмы у нее не было. И к папе она Марка не пристроила, хотя пыталась. Не взял его папа, не нужны ему молодые специалисты – ну что тут сделаешь! А этой Лене нужны. И как раз молодые!

Именно эту последнюю мысль Дарья и озвучила.

– Должность-то в постели придется отрабатывать? – с яростью поинтересовалась она, пытаясь испепелить Марка взглядом. Но от таких, видимо, все отскакивает, как от стенки горох. Лицо его было безмятежным, лишь чуть утомленным противной ссорой. Вероятно, Дашино выступление каким-то образом нарушало его планы. А какие у него могли быть планы? Еще какое-то время поморочить ей голову?

– Я думал о тебе лучше.

– Я тоже о тебе думала гораздо лучше.

– Мне жаль так в тебе разочаровываться.

– А мне надоел этот словесный пинг-понг. Ты явно желаешь оставить последнее слово за собой и уйти с гордо поднятой головой, обвинив меня во всех смертных грехах! Так вот, не надо делать из меня дуру. То есть я, конечно, редкая дура, но не в смысле мозгов, а в смысле наивности и доверчивости. Я как-то привыкла доверять близким людям.

– Не похоже. Если б ты доверяла, ты бы не вынюхивала...

– Это получилось случайно! Считай – судьба. Марк, ты... ты невыносим. Ты как уж, вымазанный подсолнечным маслом.

– Вот, ты уже опустилась до оскорблений.

Этот диалог был бы бесконечным, если бы изнывавшая от любопытства Березкина не позвонила Даше с воплем «Ну что?».

О, как Даше сейчас не хватало благодарного слушателя. Хоть куда-то выплеснуть весь свой сарказм и донести до Марка хоть что-нибудь.

– Верочка, привет! – изо всех сил обрадовалась Дарья, напугав Березкину сильнее, чем голодный бультерьер, встреченный ночью в темном месте без поводка, намордника и хозяина. – Как жизнь, сто лет тебя не слышала!

Березкина проблеяла в ответ нечто невнятное, напряженно соображая, как реагировать и включена ли на телефоне громкая связь. Решив не рисковать и по умолчанию работать на публику, она нежно прочирикала:

– Дашуня, прости, что совсем тебя забросила! Дела, знаешь ли, работа все. Как поживаешь?

Диалог был так себе, особенно если вспомнить, что только вчера Вера была у них в гостях и успела наговорить Марку гадостей.

Даша, игравшая исключительно в свои ворота, такой реакции не ожидала и осеклась, поперхнувшись вопросом про личную жизнь. Ведь тогда тему можно было развить, перевести на себя и выдать третьему лицу свое видение проблемы. Вроде как и Марку гадости говорить не придется, и все же есть возможность донести до него свои мысли в максимально язвительной форме. Зачем – это другой вопрос. Но разъяренная и обманутая женщина – это товарняк без тормозов. Она летит со свистом, шумом, не задумываясь о том, что ее ждет на конечной станции – когда скандал закончится, подлец будет выведен на чистую воду и изгнан. А там обычно ждет одиночество. Иногда временное, а иногда и навсегда. Поэтому не мешало бы сто раз подумать, прежде чем вышеупомянутые тормоза отключать.

– Верочка, да у нас сейчас такой аврал на работе, – Даша выдала первое, что пришло в голову. – Такой проект интересный.

Идеи, о чем еще щебетать, делая вид, что на Марка плевать и вообще не до него, быстро закончились. Собственно, и идей-то никаких не было. Зато бурлило и требовало выхода настойчивое желание добить предателя словом, да так, чтобы он ушел раздавленный чувством вины и осознанием непоправимой ошибки с невосполнимой потерей.

Пауза затягивалась. Березкина тоже не знала, что говорить.

– Да ты что? – неожиданно радостно ахнула Даша. – А ты? Ах! Ха-ха.

«Изображает диалог», – судорожно соображала Вера. Значит, громкой связи нет. А мне-то что делать: молчать или отвечать? Или вообще не мешать? Нет, лучше болтать хоть что-то, ведь из трубки должны доноситься какие-то звуки.

– Слушай, я хочу подробностей! – несло Дашу дальше. – Только погоди, у меня Марк уезжает, давай минут через десять. Марк, тебе хватит десяти минут на сборы?

Вот так!

Во-первых, обозначить, что его выгоняют. А во-вторых, жестко ограничить по времени процесс упаковки пожитков. Чтобы сразу понял: никто его уговаривать не будет, никаких слез-соплей, решено и отрублено! И вовсе она не сожалеет ни о чем, и даже ждет не дождется, когда он отправится восвояси. Ведь у нее такой интересный разговор с подругой. А выгнанный кавалер – такая мелочь. Тьфу!

Судя по изумлению на лице Марка, как минимум половину из задуманного Даше удалось осуществить. Он начал протестующе трясти головой и делать какие-то знаки. Причем жестикулировал он с азартом рыбака на оторвавшейся льдине, когда тот увидел в небе вертолет. Даша, подавив истерически-торжествующую улыбку, недовольно отмахнулась, мол, не мешай, видишь, у меня разговор важный.

– ...Я ж хотела плиссированную юбку-то, – бормотала из последних сил подруга, перева-ривавшая новость о том, что Марк таки уходит. – А там не было. То есть была, но мятая какая-то. И это в приличном магазине. А та, которая не мятая, так материал какой-то странный, к нему вся пыль и пух прилипает, и выглядит она так, будто ею пыль в музее вытирали. А на сайте куча всяких была, я ж поэтому и приехала. Слушай, Никитина, сил моих больше нет, хоть намекни, что у вас там происходит. У меня язык болит чепуху молоть.

– Как интересно! – подбодрила ее Даша. Видимо, замолкать по сценарию пока было рано, и, трагически вздохнув, Вера продолжила рассказ про неудачный поход в магазин.

Марк решительно выдрал у Даши из рук трубку и отчеканил под березкинский бубнеж:

– Вера, перезвони нам позже!

– Что такое? – взвилась Даша. – Давай собирайся и – досвидос амигос! И не надо тут распоряжаться моими подругами. И ей, и мне удобно поговорить сейчас. А с тобой мы уже все выяснили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.